

## КОГНИТИВНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Н.Ф. Алефиренко  
Белгород

Принципы когнитивно-семиологического исследования, в противоположность генеративному, структурному и традиционно-описательному, впервые, как уже отмечалось, в отечественном языкознании были сформулированы Ю.С. Степановым и конкретизированы А.А. Уфимцевой, Н.Н. Болдыревым и др. Затем семиологический подход был незаслуженно отодвинут с авансены лингвистических исследований, видимо, в связи с его структуральным прошлым. Однако в наше время, когда идеи генеративной и структурной лингвистики подвергаются переосмыслению (а значит и переоценке) с позиций интеграционного подхода к явлениям речемыслительной деятельности, возникает необходимость обратиться к истокам семиологии, чтобы отделить зерна от плевел: семиологический креатив от структурального догматизма. Прежде всего, попытаемся уяснить, как соотносятся между собой семиология и семантика.

Для решения этой задачи может оказаться поучительным опыт А.-Ж. Греймаса (2004: 78). Ученый предлагает различать два самостоятельных *уровня речи* - семиологический и семантический, представляя их двумя разными способами речевого представления содержания. Элементы таким образом структурированного содержания, вступая в дискурсе в парасмысловые отношения, обеспечивают двухуровневое существование значения. Выделяются, однако, названные уровни не с целью последующего описания, а для уточнения способа их *содействия* и ради того, чтобы очертить их контуры и конфигурации.

Введением в структуру означаемого универсума двух уровней значения особо подчеркивается их взаимная относительная независимость. Вместе с тем утверждается, что, будучи рассмотрены совместно, эти два уровня образуют имманентный универсум значения, по праву *предшествующий проявлению составляющих его элементов в дискурсе*. Семантика слова существует в двух измерениях: в системе языка и функционально (в дискурсе). В первом измерении актуально значение слова, во втором – его смысловое содержание (см.: Алефиренко 2005: 64). Причем в дискурсивной деятельности нередко появляются такие смыслы, которые системой языка не эксплицируются. Они, как правило, порождаются когнитивными пропозициями в конкретном высказывании. Если предложение-высказывание – это модель факта, модель действительности, какой мы ее себе представляем, то

его, по мнению Т. де Мауро, можно назвать «проекцией возможной ситуации» (Мауро 2000: 75) в семантическом пространстве «возможных миров» (Л. Витгенштейн, Дж. Серль., Д. Вандервекен, В.В. Целищев, Вяч. Вс. Иванов, Н.В. Черемисина, А.П. Бабушкин). Речевая интенция, то есть потребность выразить пропозитивный смысл, или пропозициональное содержание (Лайонз 2003: 157, 163), предопределяет позиционную схему высказывания, для заполнения позиций которой подбираются соответствующие слова. Поскольку нужного слова в системе языка нет, приходится использовать имеющиеся в языке лексемы, которые вынуждены, погашая свое системное значение, «подстраиваться» (Попова 1999: 11) под объективируемый в дискурсе пропозитивный смысл, связанный с переживанием субъективной значимости тех явлений или событий, которые оказались в зоне действия ведущего мотива. В результате семантика слова видоизменяется и становится предметом семиологии – науки о процессуальной (дискурсивной) семантике. Эта *противопоставленность системы процессу* принимается далеко не всеми исследователями. Более того, семиология сегодня выступает той сферой, где встречаются интересы нескольких гуманитарных дисциплин. Греймас, например, стремится противопоставить собственную позицию структуральному пониманию. Этим он пытается привлечь внимание тех лингвистов, которые сущность семиологии ищут в недрах феноменологической психологии или генетики и нередко представляют такое понимание как самостоятельную теорию, существующую параллельно собственно семиологическому подходу.

Прежде всего, отметим, что ученый стремится убедить нас в логическом предшествовании и самостоятельности семиологического уровня по отношению к уровню семантическому. Автор противопоставляет свое понимание семиологии основным постулатам теории лексического символизма, его природы и происхождения. В частности, он критически настроен к «Антропологическим структурам воображаемого» Ж. Дюрана. Он не приемлет у Ж. Дюрана теорию символической семантики, поскольку она основана на критериях генетического характера. Данная теория опирается на рефлексологию Бехтерева и на основополагающее различие трех *доминантных рефлексов*: двигательного, пищеварительного и копулятивного. Именно рефлексологический уровень, рассматриваемый в качестве онтогенетически исходного, породил, по мысли Дюрана, некое подобие систематизации телодвижений, находящихся «в тесном сосуществовании» с символическими представлениями. Этот уровень, сам по себе еще не являющийся символическим, и лежит в основании семантического символизма. Такой, например, является символическая семантика фраземы *махнуть рукой* на кого, на что – ‘перестать обращать внимание; перестать заниматься кем-либо или делать что-либо’. Ср.: 1. *Затем приехал в Киев и, махнув рукой на дела, три дня проходил хмельной и радостно возбужденный по городу, по обрывам на Днепром* (И. Бунин. Деревня); 2. *Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку. Так и махнули на него рукой* (В. Шукшин. Алеша Бесконвойный). Благодаря семантическому символизму, – убе-

жден Дюран, – становится возможным развитие воображаемого, представленного в *схемах* и *архетипах*. При этом Ж. Дюран показывает зависимость архетипов от схем. В качестве примера рассматриваются телодвижения человека. Они выступают первичным звеном на оси возникновения символа. И в силу этого телодвижения могут быть названы *схемами*, на базе которых формируются *архетипы*. Так, жест вертикализации, основанный на двигательной доминанте, порождает определения-прототипы «высокий – низкий» (*птица высокого полета, (быть) на высоте, с высоты своего величия – птица низкого полета, ниже своего достоинства, тише воды, ниже травы*). Точно так же, как движение проглатывания, соответствующее пищеварительной доминанте, в случае своего продолжения производит прототипы «содержащее – содержимое» (*проглотить пилюлю – ‘молча, терпеливо, без всякой внешней реакции снести обиду, оскорбление, выслушать что-либо неприятное; оставить обиду безответной’*). Кроме того, те же самые схемы порождают *субстантивные* архетипы типа «свет – тьма», «цвет», «сосуд», «форма – субстанция».

Словом, работа Ж. Дюрана, с точки зрения А.-Ж. Греймаса, одновременно содержит как достоинства, так и недостатки, присущие эклектизму. На этом фоне А.-Ж. Греймас стремится найти истинные принципы построения двухуровневой структуры значения. Их поиск основан на понимании семиологии как *процесса*, а семантики – как *системы*.

В чем же состоит конструктивная сущность когнитивно-семиологического подхода?

1. Прежде всего, семиологический принцип восстанавливает роль *наблюдения* над конкретным, единичным и особенным, предполагая взаимосвязь «глубинных процессов» порождения речемысли с «внешними» непосредственно наблюдаемыми в речи во всем их многообразии и противоречивости (Степанов 1976: 206).

Данный принцип сосредотачивает наше внимание на взаимодействии двух типов языкового семиозиса: двукратной репрезентации знаний языковыми единицами (двукратной референции языковых единиц): первичной (семиологической) и вторичной (семантической) объективации. Первичная объективация служит исходной точкой семиозиса, а вторичная — конечным этапом знакообразования, формирующим на основе первичного семиозиса культурно значимые единицы языка. Данный семиологический принцип направлен на преодоление недостатков известной знаковой теории Ч. Морриса, не разграничивающей первичное и вторичное означивание. Кроме того, современный семиологический подход, учитывая человеческий фактор языка, вводит в качестве конституента семиологического процесса так называемую «интерпретанту» (фазу осмысления знака) и «интерпретатора» (того, кто воспринимает, осмысляет и интерпретирует знак) (Моррис 2001: 72). Это позволяет по аналогии с семантическим треугольником Ричардса – Огдена построить «ономасиологический треугольник». В отличие от семантического треугольника Ричардса – Огдена, в его состав входит интерпретант – человек как субъект речемыслительного процесса. Отсюда – его краеугольные точки: «номинатор – номинант – номинат».

2. Функциональная взаимосвязь системы языка и системы мышления представляет собой отношение между системой «означаемых» и системой «означающих». Такого рода взаимосвязь не может быть сведена не только к взаимно однозначному соответствию цельных единиц смысла и текста (в силу принципа асимметрии знака), но и к статичному соответствию компонентов единиц того и другого плана. Речемыслеигельный механизм, реализующий взаимосвязь двух систем, в свою очередь, опирается на принцип иерархии речемыслеигельных единиц и на принцип метаморфизма, представляющий собой системное взаимодействие всех участвующих в речемыслеигельном процессе факторов (Степанов 1976: 207).

3. Семиологический принцип не только предполагает тесную связь языка с мышлением, но и его сложные когнитивные отношения с действительностью (объективной и субъективной). При этом соотношение содержания и формы выражения интерпретируется как процесс первичного и вторичного знакообразования, в результате осмысления которых создаются языковые единицы в системе языка и в речи, находящиеся в определенной взаимосвязи и иерархии (Уфимцева 1986: 66).

В гносеологическом плане первичное и вторичное означивание можно рассматривать как старый (имеющийся) и новый (приобретенный) опыт. Это обуславливается тем, что задачей речемыслеигельной деятельности является необходимость согласовать новую реальность с уже имеющимся опытом. Средством для этого, писал в свое время В. Скаличка, является представление новой реальности с помощью фиксированных системой языка мыслительных образов (ср.: Skalicka 1948). Речемышление всегда направлено на познание действительности посредством лингвосемиозиса новой реальности.

4. Согласно семиологическому принципу элементарными речемыслеигельными функциями языка, по Ю.С. Степанову, выступают *номинация*, *предикация* и *локация*. Номинация состоит в именовании и классификации познаваемых предметов, признаков и действий; суть предикации – в установлении взаимосвязей между познаваемыми предметами; локация располагает названное и взаимосвязанное друг с другом в пространстве и времени. С другой стороны, в процессе номинации, предикации и локации происходит комплексная речемыслеигельная «работа» нашего языкового сознания, связанная с комбинаторикой лексических единиц с целью оптимальной репрезентации концептов как эпицентра формирования дискурса. В этой части семиологический анализ должен получить подкрепление со стороны когнитивно-дискурсивного осмысления слова. Здесь понадобится весь «потенциал когнитивных методик исследования концептов» (Прохорова 2005: 92).

Новым в когнитивно-семиологической лингвокультурологии является введение понятий «виртуальных» и «актуальных» семиотических структур лингвокреативного мышления. Актуализация первых обуславливается лингвокогнитивной спецификой человеческого процесса познания, объективируемого многоуровневыми механизмами взаимодействия системы языка и системы мышления. Общую стратегию взаимодействия первой и второй фазы речемыслеигельного процесса в свое время наметила А.А. Уфимцева:

«Применительно к результатам объективации реальной действительности, которые находят прямое отображение в лексических единицах, первая фаза познания «вещь – деятельность – слово» соответствует акту снятия предметного, чувственного, этапу образования представлений и понятий, которые формируют знаковое значение слова как виртуального знака. Что касается второй фазы познавательного цикла – «слово – деятельность – вещь», то она соответствует в языковой деятельности акту конкретизации обобщенного значения виртуального знака, его семантическому развертыванию в синтагматическом ряду. Словесный знак, таким образом, – основная когнитивная единица языковой системы, которая фиксирует, храня в скрытом виде, формы «перехода» старого опыта (знания) в новый, своеобразно отражает в своем значении ступеньки человеческого познания» (Уфимцева 1986: 68). Прогрессивным в таком понимании лингвокогнитивной деятельности является выявление и описание промежуточного, переходного звена – той обширной языковой сферы между виртуальными словесными знаками и их абсолютной семантической актуализацией в конкретных актах речи. Эту промежуточную языковую сферу составляют свободные сочетания слов, словосочетания и фразы прямой, переносной и косвенной номинации (ср.: Уфимцева 1986: 68) в единстве их лексической и грамматической семантики. Действительно, языковая репрезентация мыслительных структур несводима к лексическим средствам вербализации действительности. На эту особенность языковой репрезентации мира указывал еще В. Гумбольдт. Ученый писал, что каким бы богатым ни был словарь, он не в состоянии представить во всей полноте концептосферу того или другого народа, поскольку большинство концептов вербализуется в процессе семантического развертывания слов в составные (описательные) структуры так называемого дескриптивного или метафорического выражения.

Как убедительно доказала А.А. Уфимцева, сопряженная актуализация двух или более слов обладает не только более мощным когнитивным потенциалом, но и в высшей степени служит национально-специфическим средством выражения этнокультурного мировосприятия. К такого рода языковым средствам относятся:

а) свободные сочетания слов с переменными членами лексической синтагмы: *зеленые листья, зеленые глаза, зелень лесов* и т.п. Это основная форма реализации прямых номинативных значений;

б) так называемые расчлененные наименования типа: *зеленый специалист, зеленое яблоко*, в которых главные члены синтагм (*специалист, яблоко*) реализуют свои прямые значения, а зависимый *зеленый (-ое)* переносное значение;

в) лексические синтагмы, в которых оба члена переосмыслены: *зеленый друг* – «о деревьях, лесе, зеленых насаждениях»;

г) многообразные фразеологизированные выражения: от фразеологически связанных сочетаний до идиом типа *до зеленого змия* – «мертвецки, до галлюцинаций, нервного расстройства и т.п. (напиться, быть пьяным)», *открывать зеленую ушицу* кому, чему – «устранять препятствия, задержки, ме-

